

ИЗГОИ

ОЛЕГА РОЯ

ОЛЕГ РОЙ

НА ПЕРЕКОР
СТРАХУ

ИЗГОИ

МОСКВА

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Р65

Иллюстрация и дизайн обложки *Кири Руднев*

В оформлении форзаца использована иллюстрация:
© Pichetprong Y/Shutterstock.com/FOTODOM
Используется по лицензии от Shutterstock.com/FOTODOM

Рой, Олег.

Р65 Наперекор страху / Олег Рой. — Москва : Эксмо,
2026. — 448 с.

ISBN 978-5-04-225768-1

Смерть следует за «мятежной цепочкой» по пятам. Отбившись от монстров, герои покидают базу Проекта и оказываются предоставлены сами себе. Взрослые решения имеют последствия — это понимают и члены цепочки, и Кураторы, подсчитывая потери.

Опасность сближает и срывает маски — так ли важно, кем ты был раньше, если каждое следующее мгновение может стать последним? Кто твой враг, а кто спасет тебе жизнь?

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-225768-1

© Рой О., текст, 2025
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

По освещенному лишь аварийными лампами коридору бежали андроиды. Скафандры биозащиты скрывали их тела и лица, но только андроиды способны так синхронизировать свои движения, чтобы носилки, которые они несут, не испытывали ни малейших колебаний, способных повередить тому, кого они переносят.

На носилках лежало тело в капсулирующей оболочке. О том, что этот человек жив, свидетельствовали только приборы, закрепленные на носилках снизу. Эти приборы контролировали жизнь тела и отчасти поддерживали ее. Судя по показаниям приборов, человек на носилках был хоть и жив, но от смерти его отделяла лишь тонкая грань.

Коридор был длинным, но даже самый длинный путь заканчивается; открылись двери, и андроиды со своим грузом оказались в хорошо освещенном помещении медлаба. Здесь их уже ждали две фигуры в таких же скафандрах биозащиты, но, судя по всему, являющиеся обычными людьми. Безмолвные слуги осторожно закрепили носилки на операционном столе. Стол немедленно ожил — одни манипуляторы споро вскрыли оболочку с телом, другие столь же

НАПЕРЕКОР СТРАХУ

уверенно принялись подсоединять тело к системам жизнеобеспечения стола. Две фигуры тем временем склонились над телом.

— Ничего себе, — сказала одна из них. Маска биозащиты искажала голос, так что даже не понятно было, женщина говорит или мужчина. — Капитально же ей прилетело.

— Она не знала, с чем имеет дело. — Второй голос определенно принадлежал женщине, даже маска не могла это скрыть. — Черт, все произошло слишком быстро...

— Забей, — посоветовала первая фигура. — Ты ни в чем не виновата. Потери неминуемы, разве он не говорил тебе?

Вторая фигура склонила голову и опустила плечи. Первая тем временем осматривала пациента, если кусок плоти, лежащий на столе, можно было так назвать...

— Сухая гангрена, — констатировала она. — На первый взгляд. А если присмотреться...

Она одним движением расстегнула застежку краги и сбросила перчатку прямо на пол. Под перчаткой оказалась женская ладонь — красивые, тонкие пальцы, казалось, были созданы для хирургии — длинные и сильные, несмотря на кажущуюся хрупкость. Женщина приподняла руку пациентки, вернее, попыталась это сделать — кусок руки с мизинцем с хрустом отломился и остался в пальцах женщины.

— М-да, — сказала она. — Кажется, с руками у нас о-очень большие проблемы. Надо ноги посмотреть. Что это вообще такое?

— Криогенный удар, — тихо ответила другая женщина. — Затронуты только конечности.

— В данном случае это не важно, — сказала первая. — Единственный выход — полная ампутация. Иначе вскоре все это начнет гнить, потом сепсис, а дальше только некролог...

Она задумчиво подперла кулаком подбородок маски:

— Может, проще ее добить?

Вторая женщина вскинула голову:

— Ты не понимаешь, что говоришь! **Они** все для нас ценны! Каждый из них! Если мы можем ее спасти...

— Мы? — В голосе первой женщины послышалась издевка. — Не мы, а я. Да, я могу ее спасти — отчекрыжив ее прелестные ручки и ножки. В конце концов, у нас есть запасные, а я всегда мечтала увидеть... не важно.

Она осторожно придвинула к столу манипулятор, на котором был закреплен лазерный резак.

— Я понимаю — она из **твоих**. Понимаю, как ты к ним относишься. Особенно к этим деклассированным из седьмой. С учетом того...

— Замолчи! — вскрикнула вторая женщина. В ее вскрике было что-то птичье, так кричат раненные чайки. — Что ты знаешь? Не тебе меня судить!

Первая женщина пожала плечами, попутно проводя пальцем по почерневшей руке девушки на операционном столе. Манипулятор с резаком повторял ее движения.

— Будь это кто-то из моих, ты бы и не почесалась. Но мне пофиг на все это, я делаю свою работу. Я спасу тебе твою игрушку, но ты уверена...

— Уверена! — поспешила ее заверить вторая. — Давай быстрее, у нее не только руки-ноги заморожены...

— Вот в чем я точно не нуждаюсь, так это в твоих советах, — ответила первая. — Лучше принеси выпить, толку куда больше...

Вторая хотела было что-то возразить, но затем, кивнув, отошла от стола и поспешно вышла из помещения.

— Ну что, милочка, — обратилась первая женщина к телу на операционном столе. — Придется попортить немного твою бархатную кожу, не возражаешь? Эх... а ведь только на днях я делала тебе татуировку...

НАПЕРЕКОР СТРАХУ

Сверкнул луч резака, и свешивающаяся со стола рука девушки упала на пол. Стука не было, лишь легкий шлепок, а потом на месте падения отсеченной руки поднялось небольшое облачко серой пыли.

— Одной рукой меньше, — заметила женщина, когда пыль улеглась. — Давай я теперь отрежу тебе ножку, не возражаешь?

На сей раз лазер работал немного дольше. Когда луч погас, женщина-хирург сказала:

— Ничего, невелика потеря. Я пришью тебе новые ножки, да такие, что все парни будут твои. Ты молодая, теломеры длинные, вырастим тебе все, что нужно...

Она занялась второй ногой, точнее, пока работал лазер, быстро проверила ампутационные поверхности ранее удаленных руки и ноги.

— Знаешь, милая, — обратилась она к находящейся без сознания пациентке, — бывает и хуже. Когда-то меня от одной мысли о протезах начинало тошнить, но уже тогда они у меня вызывали какой-то интерес. Я боялась этого, я думала, что в этом есть что-то извращенное, чудовищное, неестественное...

Она принялась рассматривать свежий срез, затем тампонировала едва заметное капиллярное кровотечение. Потом выпрямилась и сказала:

— Чушь, бред, чепуха! *Sed et si potes fieri, magis utere!*¹ Человеческая плоть слабая, к тому же она излишне

¹ Если можешь [стать свободным], воспользуйся лучшим (1-е Кор. 7:21, *лат.*). Смысл цитаты заключается в том, что человек может и должен стремиться к лучшей судьбе. Эта цитата из Библии используется для опровержения постулата некоторых деноминаций о недопустимости для христианина пластических операций и т. д.

хрупкая, но мы можем сделать ее сильной, непобедимой, бессмертной!

— Мы? — спросил чей-то иронический голос. Женщина вздрогнула и обернулась. За ее спиной стоял высокий человек в костюме биозащиты, однако не могло быть сомнений, что это мужчина.

— Вы, босс, — склонив голову, ответила женщина. — Конечно, все лишь благодаря вам.

Мужчина кивнул и, подойдя к столу, приподнял еще не ампутированную руку.

— И что вы планируете с этим делать?

— Вырастим ей новые конечности, — ответила женщина. — Думаю, вторую модель и для рук, и для ног...

— Руки сделайте третьей, — сказал мужчина. — Она это заслужила. Редкое бесстрашие для пятнадцатилетней девочки.

— Сделаю, — пообещала женщина. — Вы же знаете...

— Знаю, — перебил ее мужчина. — Как и то, что тебе больше нравится ампутировать, а не выращивать. Тем более — лечить. Но самое смешное — в этом твоя нынешняя пациентка похожа на тебя как две капли воды.

Несмотря на то что лица женщины нельзя было разглядеть под шлемом костюма, вся ее поза выдавала смущение, если не обиду.

— Конечно, моя квалификация не идет ни в какое сравнение с вашей, — сказала она тихо, — но неужели я хотя бы где-то заставила вас сомневаться...

— Ну что ты, — ответил мужчина, — я сказал то, что сказал: резать ты любишь больше, чем лечить. Это не значит, что ты плохо лечишь. Но твой конек — анализ, а не синтез, и это хорошо.

Мужчина присел на край стола, ничуть не смущаясь тем, что на нем лежит тело девушки:

НАПЕРЕКОР СТРАХУ

— Апиствия, ты совершенна. Мы об этом уже не раз говорили. Порой мне кажется, что ты сомневаешься в моих чувствах, но я люблю тебя не меньше, чем Надин. Я всех вас люблю одинаково. Тех, кто не предал меня. Тех, кто остался верен. Вы мои жены-мироносицы; когда меня оплевали, вы вытирали плевки, вы снимали меня с креста, вы клали меня в гроб, и вы присутствовали... что я говорю, ты сама знаешь. Как я могу не любить тебя? Твой характер — плод моих трудов. Ты такая потому, что я тебя такой создал. И, кстати, ты даже больше похожа на меня, чем Надин, которую ты считаешь своей конкуренткой. Последнее время я вижу в тебе некое напряжение, и я даже знаю, в чем его природа. Ты хотела, чтобы семерка была твоей, да?

Апиствия, та женщина, что оперировала девушку, кивнула, по-прежнему со смущением.

— Какие вы, в сущности, дети. — В голосе мужчины послышалась теплота. — Ты ведь считаешь, что лучше справилась бы с ними?

Апиствия кивнула.

— О да, у тебя бы они по струнке ходили! — сказал мужчина. — Но мне не надо, чтобы они ходили по струнке. Семерке не нужна железная дисциплина, в слабых, по сравнению с твоими, руках Надин они раскроются лучше.

— Я вижу. — Апиствия фыркнула, ткнув пальцем в оставшуюся руку бесчувственной девушки. Запястье хрустнуло и повисло на сухожилии. — Вы не возражаете, если я закончу ампутацию?

— Валяй, — согласился мужчина, по-прежнему сидя на столе. Апиствия стала настраивать лазер, мужчина продолжил:

— Твой план только тогда совершенен, когда даже неожиданные события идут ему на пользу. А то, что прои-

зошло, неожиданным никак не назовешь. Не стану вдаваться в долгие объяснения, просто поверь мне, все идет по плану. И кстати, семерка не фавориты, как ты могла бы подумать. У меня нет фаворитов — я знаю, что те, кто сегодня впереди, могут завтра оказаться сзади или вообще сойти с дистанции. У каждой цепочки есть шанс стать прима-цепью, у каждого Куратора — доказать, что именно его обучение — самое эффективное. И наоборот — те, кто сегодня, сейчас лучший, завтра могут оказаться в отбраковке. Успех — такое же искушение, как препятствие или неудача, но больше срезаются не на неудачах, а на успехе.

Апистия молчала, и мужчина продолжил:

— Надеюсь, ты меня поняла. Видишь ли, мне совсем не все равно, когда кто-то из моих любимых детей чувствует себя обиженным. Я создавал вас не для страданий. Оставьте страдания попам, мои дети созданы для того, чтобы торжествовать со мной. Я жду, что ты приободришься, ты нужна Проекту не меньше, чем Надин.

— Я... — Апистия отсекла руку, но, видимо, не совсем аккуратно, и сейчас с помощью небольшого, тихо гудящего инструмента обрабатывала срез, тампонируя выступающую кровь. — Я сделаю все как нужно. Не сомневайтесь. Для меня важно было услышать то, что вы сказали. У меня никого нет, кроме вас.

— У тебя есть сестры и братья, — возразил мужчина. — Вы, может быть, не в лучших отношениях, но они твоя семья. Апистия, Апистия, против нас весь мир, а вы выясняете, кто из вас больший. Найдите повод сплотиться. Вскоре вам придется действовать совместно. Я говорил тебе об этом.

— Я не хочу в это верить. — Апистия резко дернула головой, отрицая сказанное. — Вы не можете нас оставить. Вы — наш бог, вы — душа и тело Проекта...

НАПЕРЕКОР СТРАХУ

— И его мозги, — напомнил мужчина. — Потому вас трое: тело — это Барака, душа — Надин, а мозг — ты, моя девочка. Звучит немного иронично, но у нас с тобой особые отношения, ты же знаешь.

Женщина кивнула. Она выпрямилась и, подойдя, обняла мужчину. Тот похлопал ее по спине и отстранил.

— Я вижу, ты в порядке. Ладно, мне надо к нашим овцам. Я слышу, Надин уже на подходе.

Его фигура замерцала, словно была голограммой, хотя до того не могло быть никаких сомнений в материальности мужчины. Затем мерцание стало чистым светом, а затем и он погас как раз тогда, когда двери медлаба открылись и вошла вторая женщина. В руках у нее был поднос с виски, двумя стаканами и бутылкой содовой.

— Решила составить мне компанию? — усмехнулась Апиствия, снимая маску. — Ставь сюда, рядом с ногами.

— А ты быстрая, — ответила Надин, ставя поднос на стол возле ампутационных срезов девушки. — Управилась уже...

— Чего там управляться, — пожала плечами Апиствия, открывая бутылку. — Чик-чик, и ни ручек, ни ножек. Твоя работа сложнее.

— Мою работу за меня делает принтер и программы. — Надин сняла шлем биозащиты и положила его девушке на живот. — Как она?

— Что ей станется? — пожала плечами Апиствия. — Лежит в искусственной коме, все, что нужно, я законсервировала. Только поверхность не прикрывала, чтобы ты могла взять образцы для генного конструирования.

Пока Апиствия говорила, она успела наполнить бокалы виски. Эта марка виски была лучше, чем та, что

Апистия потребляла раньше. Один бокал она протянула своей собеседнице.

— Надин, — сказала Апистия. — Между нами были трения, глупо это отрицать. Наверно, так и должно быть. Мы все немного ревнуем друг друга к... нему. Я иногда вела себя глупо, я признаю это. Надин, милая, я хочу, чтобы ты знала — я... дорожу и восхищаюсь тобой. Ты самое совершенное творение нашего отца. Потому именно тебе он доверил семерку. И я хочу, чтобы ты знала, что можешь рассчитывать на любую помощь с моей стороны.

— Я знаю, Апистия, — кивнула Надин. — Знаю и испытываю к тебе те же самые чувства. Ты всегда была для меня старшей сестрой, хоть я и помню то время, когда тебя не было в проекте. Но когда ты появилась, словно яркая звезда взошла на тусклом небосводе. Я восхищалась тобой, твоей силой и решительностью, и восхищаюсь до сих пор. И я...

Надин опустила голову, формально потому, что добавляла содовую в виски. Но щеки ее заметно порозовели.

— Я хочу быть похожей на тебя в этом. А еще я помню то, что было между нами раньше. До того, как мы стали Кураторами.

Глаза Апистии блеснули.

— Ты помнишь?

Смущенная Надин кивнула:

— И мне очень этого порой не хватает. Но сейчас тебе не до меня...

Апистия отставила стакан и подошла вплотную к Надин.

— Мне всегда до тебя, моя девочка. Я очень по тебе скучала...

НАПЕРЕКОР СТРАХУ

Надин смущенно отвернулась:

— Давай выпьем... за нас. На брудершафт, как когда-то давно...

— Не так уж и давно. — Апиestia взяла бокал, и они с Надин, скрестив руки, выпили.

— А ты с каждым годом все лучше, — заметила Апиestia. — Не стареешь, не то что я.

— Милая, мы же в Проекте, — сказала Надин, лукаво улыбаясь, — мы никогда не умрем. Но, мне кажется, ты что-то забыла.

— Не забыла, а отложила, — ответила Апиestia. — Давай закончим с... твоей подопечной.

— Хорошо, — кивнула Надин. — Но неужели ты не хочешь меня поцеловать?

Апиestia не ответила, она просто прижалась губами к щеке Надин. Поцелуй был странным: в нем было мало нежности, но много чувств.

— Женщина с тысячей лиц, — сказала она, отпуская Надин. — И я не знаю, какое из них мое.

— То, которое ты любишь больше всего, — ответила Надин. — Давай закончим побыстрее, чтобы у нас еще осталось немного времени. Приготовь консервационный гель, а я пока возьму материал для клонирования.

ТО, ЧТО ПУСТО ТЕПЕРЬ...

Джинн

*Кровь вытекает так же легко, как вода.
Сладкой победа не может быть никогда.
Как без шипов не бывает в природе роз,
Так не бывает победы без скорбных слез.
Некогда объяснять, просто поверь,
Каждый день удлиняет список твоих потерь.
В жизни сражения часто нельзя избежать,
Но будь готов к тому, что придется что-то терять...*

Мы победили. Стоя в пустом Зале Собраний, я думал, как, оказывается, горько звучит эта фраза: мы победили. Наверно, мой любимый рэпер прав — без потерь никакой победы не бывает. Но одно дело, когда ты знаешь об этом в теории, и совсем другое — почувствовать это в реале.

Наверно, в эти минуты каждый из нас вспоминал, как это было. Гордиться нам было нечем — появление вражеских дронов привело нас в панику. Паника проявлялась по-разному — мы с Фредди тут же оттеснили девушек назад, а Призрак и Бракиэль, не сговариваясь, открыли огонь. У Бракиэля оказался небольшой лучемет, совсем крохотный, больше похожий на суб-